

ХРИСТИАНСТВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

(Статья Гизд) ¹⁾.

На нашихъ глазахъ совершаются двѣ одновременныя, хотя и отдѣльныя одна отъ другой, попытки съ однимъ и тѣмъ же началомъ и стремленіемъ. Одни, настойчиво объявляющіе себя вѣрующими христіанами, пытаются отдѣлить христіанскую нравственность отъ христіанской догмы и признать Іисуса Христа нравственнымъ идеаломъ человѣчества, совершенно отвергая Его божество и чудеса. Другіе, открыто объявляя себя не-христіанами, пытаются отдѣлить вообще нравственность отъ религіи и признають начало и авторитетъ нравственности въ самой натурѣ человѣческой,—и въ ней только одной. Такимъ образомъ, съ одной стороны—христіанская нравственность независимая отъ христіанской вѣры, съ другой—нравственность независимая вообще отъ религіознаго вѣрованія, естественнаго или откровеннаго,—вотъ два

---

¹⁾ Статья эта, помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ «Revue chrétienne» за настоящій годъ, составляетъ часть (le christianisme et la morale) третьяго тома «Méditations sur la religion chrétienne» соч. Гизд, имѣющаго выйти па двѣхъ. Этотъ третій томъ носитъ слѣдующее заглавіе «Размышленія о христіанской религіи въ ея отношеніяхъ къ современному состоянію общества и умовъ» и содержитъ въ себѣ шесть размышленій: 1) христіанство и свобода; 2) христіанство и нравственность; 3) христіанство и наука, 4) христіанское невѣдѣніе (l'ignorance); 5) христіанская вѣра; 6) христіанская жизнь. Четвертый и послѣдній томъ будетъ заключать въ себѣ размышленія объ исторіи и будущности христіанства.

ученія, провозглашаемыя и распространяемыя съ жаромъ въ наше время.

Я готовъ допустить, что приверженцы этихъ ученій принимаютъ и защищаютъ ихъ во имя истины, такъ какъ въ философіи и политикѣ, по моему мнѣнію, ошибка и честныя намѣренія болѣе обыкновенны, чѣмъ ложь и злыя стремленія. Притомъ, спорять только объ однихъ серьезныхъ и искреннихъ убѣжденіяхъ; о мнѣніяхъ, основанныхъ на корыстныхъ или лицемѣрныхъ расчетахъ, не стоитъ спорить,—ихъ просто разоблачаютъ. Во имя истины и я намѣренъ выступить противъ этихъ двухъ ученій, которымъ стараются дать ходъ.

Истинная причина такой двойной попытки заключается въ невѣріи и скептицизмѣ нашего вѣка въ дѣлѣ религіи. Число не-христіанъ—многочисленно; большая часть действительна не слишкомъ надѣются на свое вѣрованіе и его дѣйственность. А между тѣмъ чувствуется необходимость нравственности, вѣрится въ ея силу регулировать человѣческія дѣйствія; самое предпринимаемое отдѣленіе ся отъ религіи и вообще отъ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, разрушенныхъ или колеблющихся по ихъ словамъ, совершается съ цѣлью сохранить нравственность въ ея неприкосновенности и силѣ. Независимая нравственность, слѣдовательно, есть тотъ плотъ, который предлагаютъ человѣческой душѣ и человѣческому обществу для спасенія при крушеніи ихъ стараго корабля. Ложная идея и пагубный трудъ! И тѣ, которые надѣются исправить христіанскую нравственность, отрывая ее отъ христіанской догмы, и тѣ, которые думаютъ спасти нравственность, отдѣляя ее отъ религіи вообще,—равно ошибаются въ существенныхъ пунктахъ человѣческой природы и человѣческаго общества: и то, и другое ученіе именно произошло отъ не точнаго и не полнаго наблюденія. Я уже сказалъ прежде, что я думаю о первомъ ученіи и почему отвергаю его; теперь я обращаюсь

къ другому ученію—къ идеѣ независимой нравственности и, во имя чистой и строгой психологіи, утверждаю необходимый, внутренній и законный союзъ нравственности съ религіей.

Прежде всего меня удивляетъ одно обстоятельство. Теоретики независимой морали выходятъ изъ той идеи, что существуетъ нравственный законъ, верховный и независимый отъ всякаго интереса и личной страсти, и потому поставляютъ понятіе долга внѣ и выше всякой другой побудительной причины къ дѣйствию. Но они забываютъ, что это самое начало, и въ прежнее и въ настоящее время, было спорнымъ пунктомъ у древнихъ и новыхъ философовъ. Одни смотрѣли на желаніе счастія и удовлетвореніе личной потребности, какъ на справедливость и законную цѣль человѣческой жизни. Другіе ставили мѣриломъ поведенія людей не личный интересъ, а всеобщую пользу, благо всего человѣчества. Иные же видѣли начало и залогъ моральныхъ понятій въ симпатіи чувствъ. Недоставало многого, чтобы нравственнообязательный законъ—понятіе долга было признано и принято всѣми за основаніе нравственности. По вопросу о началѣ нравственности, какъ и по другимъ великимъ вопросамъ нашей природы, непрестанно появлялись самыя разнообразныя системы, и человѣческій умъ колебался и въ этой философской области не менѣе, чѣмъ въ другихъ. Пусть же моралисты новой школы не заблуждаются: провозглашая нравственность, независимую отъ религіи, они желаютъ и мечтаютъ дать ей опредѣленное основаніе и притомъ одно для всѣхъ; но они обманываютъ самихъ себя,—такая изолированная нравственность остается, по прежнему же, подверженною человѣческимъ словопрѣніямъ. Оставляю эту важную ошибку защитниковъ системы и испытываю самую систему, насколько она служить вѣрнымъ и полнымъ выраженіемъ человѣческой нравственности и содержитъ ли она въ себѣ всѣ факты, составляющіе ея естествен-

ные и существенные элементы. Перечисляю эти факты: различіе нравственнаго добра и зла, обязанность дѣлать добро и избѣгать зла и способность исполнять или не исполнять эту обязанность,—иначе, говоря краткими философскими терминами, нравственный законъ, долгъ и свобода. Эти-то естественные, первичные и всеобщіе факты и опредѣляютъ человѣческую нравственность; по причинѣ и въ силу этихъ фактовъ человѣкъ есть существо нравственное. Не стану здѣсь входить въ разбирательство этихъ фактовъ, такъ какъ меня въ настоящее время не занимаютъ ученія, не признающія или отрицающія ихъ. Приверженцы ученія о независимой нравственности принимаютъ ихъ, подобно мнѣ; вопросъ между ними и мною состоитъ въ томъ, хорошо ли они понимаютъ значеніе и соглашаются ли они съ послѣдствіями того, что они воздаютъ почтеніе истинному началу нравственности. Свойство и достоинство человѣческаго существа состоитъ именно въ томъ, что человѣкъ не довольствуется простымъ собираніемъ данныхъ о себѣ и о мірѣ внѣшнемъ, а хочетъ знать также ихъ начало и цѣль, значеніе и смыслъ. Въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ матеріальномъ, статистика есть только исходная точка, начало знанія; за испытанными и признанными фактами идутъ вопросы, поднимаемые ими, и факты по-ту-сторонніе (*ultérieurs*), содержимые и открываемые первыми. Фактъ человѣческой нравственности, какимъ я его представилъ въ его трехъ составныхъ элементахъ—нравственномъ законѣ, долгѣ и свободѣ, неизбежно поднимаетъ слѣдующіе два вопроса: откуда самъ нравственный законъ и его авторитетъ? Что влечетъ и къ чему клонится для самаго нравственнаго существа исполненіе или нарушеніе долга, т. е. употребленіе его свободы? Не можетъ быть такой философской системы, которая могла бы не признавать, или обходить эти вопросы: они действительно возникаютъ въ человѣческомъ умѣ,

какъ только онъ обращаетъ свое вниманіе на нравственный характеръ человѣческой природы. Я постараюсь разсмотрѣть постепенно три составные элемента этого великаго факта для опредѣленія его истиннаго начала и смысла.

Нравственный законъ—не изобрѣтеніе или договоръ людей; признавая его, человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ, что не онъ самъ создалъ его и что онъ не можетъ ни уничтожить, ни отмѣнить его. Политическіе и гражданскіе законы—разнообразны и измѣнчивы; они зависятъ очень много отъ условій времени, мѣста, соціальныхъ отношеній и человѣческой воли, и люди принимаютъ или отвергаютъ ихъ съ сознаніемъ, что они сами располагаютъ ими по своимъ интересамъ и по своей волѣ. Но когда предъ людьми является законъ, какъ законъ нравственный, они сознаютъ, что онъ зависитъ не отъ нихъ, что онъ заимствуетъ свое начало и свой авторитетъ не въ ихъ мнѣніи и не въ ихъ волѣ. Они могутъ ошибаться въ признаніи или отверженіи такой или другой практической заповѣди; они могутъ приписывать нравственное достоинство такимъ законамъ, которые сами въ себѣ не имѣютъ его, или отрицать нравственный характеръ того или другаго закона и необходимость исполненія его; но вездѣ, гдѣ только признаютъ они характеръ нравственнаго закона, они преклоняются предъ фактомъ, который—не ихъ дѣло, предъ силой, которая не въ ихъ власти. Не принадлежитъ также нравственный законъ и къ общему міровому механизму. У него нѣтъ характера и дѣйствія законовъ міра физическаго,—онъ не присущъ формамъ и комбинаціямъ матеріи и не управляетъ отношеніями и движеніями тѣлъ; обязательный, но не роковой, онъ относится и примѣняется исключительно къ тому разумно-свободному существу, о которомъ Паскаль сказалъ свое величественное слово: «если бы вселенная раздавила человѣка, то онъ и въ этомъ случаѣ былъ бы выше»

ея; потому что онъ сознавалъ бы, что онъ умираетъ, а вселенная ничего бы не знала о своей побѣдѣ надъ нимъ». Но человѣкъ не только обладаетъ сознаниемъ своей смерти; бываетъ, что онъ умираетъ добровольно и охотно, повинувшись нравственному закону. Этотъ законъ есть законъ свободы. Что означаютъ эти слова—законъ свободы? Какимъ образомъ законъ, называемый долгомъ, является въ духѣ человѣческомъ и возлагается на человѣческую свободу?

Въ настоящее время пытаются основать понятіе долга на понятіи права и почерпнуть его авторитетъ исключительно въ независимости и достоинствѣ человѣческой личности. Человѣкъ, говорятъ, чувствуетъ и сознаетъ себя существомъ свободнымъ; какъ такой, онъ имѣетъ право на то, чтобы никто другой не посягалъ на его независимость и достоинство; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ встрѣчаетъ во всякомъ другомъ человѣкѣ такое же самое существо и, следовательно, то же самое право, какое онъ приписываетъ себѣ. Такимъ образомъ изъ права личнаго выходитъ право взаимное, и «долгъ есть не что иное, какъ право, признанное въ другомъ»¹⁾. Но прежде всего здѣсь можно замѣтить глубокую ошибку, а потомъ странную забывчивость. Спрашивается, почему человѣкъ, находясь въ сношеніяхъ съ себѣ подобными, приписываетъ имъ то самое право, которое онъ признаетъ за собою самъ и признанія котораго онъ требуетъ отъ нихъ? Если онъ дѣлаетъ это по благоразумному расчету и житейской мудрости, то объ этомъ нечего и говорить,—здѣсь нѣтъ нисколько моральнаго факта. Если, независимо отъ благоразумія и расчета, человѣкъ считаетъ себя обязаннымъ уважать личную независимость и достоинство себѣ подобныхъ и признавать за ними тѣ же права, какія онъ усвоитъ себѣ, если, такимъ образомъ, основнымъ началомъ моральнаго факта становится взаимность

¹⁾ La Morale indépendante, еженед. журн., № 1, 6 авг. 1865 г.

(*réciprocité*); то что сдѣлается съ этой обязанностію въ случаѣ недостатка взаимности? Станетъ ли человѣкъ, по прежнему, уважать въ другихъ то право, котораго другіе не уважаютъ въ немъ? Если онъ, не смотря ни на что, будетъ поступать такъ во всякомъ случаѣ; то не значитъ ли это, что понятіе долга имѣетъ другое начало, а не взаимное уваженіе личностей? Если же человѣкъ будетъ поступать такъ не всегда; то что станется съ верховнымъ и абсолютнымъ характеромъ долга, т. е. съ нравственнымъ закономъ? Онъ будетъ не болѣе, какъ закономъ условнымъ. И мы видимъ, что не только христіанская религія, но и всѣ великія міровыя доктрины—религіозныя или философскія—рѣшительно не хотятъ приписывать нравственному закону такой условный характеръ взаимности: всѣ онѣ выставляютъ понятіе долга абсолютнымъ и повелительнымъ (*impératif*) во всякомъ случаѣ, независимо отъ поведенія другаго. «Если вы любите любящихъ васъ, сказалъ Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро; какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники тоже дѣлаютъ... Любите враговъ вашихъ, и благотворите, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго: ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ» (Ев. Лук. VI, 32, 33 и 35). Законы Ману говорятъ Индусамъ: «будьте подобны сандальному дереву, напоющему своимъ благоуханіемъ поражающую его сѣкиру». Можно обратиться къ Платону, Аристотелю, Зенону, Канту; при всѣхъ своихъ разногласіяхъ, они говорятъ объ этомъ основномъ пунктѣ подобно евангелію и законамъ Ману.

Ошибка теоретиковъ независимой морали заключается въ спутанности понятій о долгѣ и правѣ и въ нарушеніи ихъ естественнаго и истиннаго порядка. Долгъ есть мораль-

ный, внутренній и личный законъ человѣческихъ поступковъ; право происходитъ отъ приложенія моральнаго закона къ человѣческимъ отношеніямъ. Я не могу отказать себѣ въ глубокѣмъ, хотя и печальномъ, удовольствіи привести по этому поводу нѣсколько словъ одной женщины, по душѣ и жизни родственной мнѣ, которая въ скромномъ очеркѣ выяснила этотъ важный вопросъ съ искреннею живостію. «Слово *право* вызываетъ идею объ отношеніи. Такъ какъ всякое право есть примѣненіе нравственнаго закона въ различныхъ соціальныхъ отношеніяхъ, то нѣтъ права, для котораго бы не было поводомъ общество. Право есть нравственная власть индивидуума надъ свободою другаго, и эта власть принадлежитъ ему въ силу моральнаго закона, регулирующаго отношенія людей другъ къ другу. Для права единственнымъ основаніемъ служитъ долгъ. Если бы не было никакого долга, не было бы никакого права; никакое право никогда не является, не объявляя своимъ началомъ долга. Долгъ каждаго человѣка, въ примѣненіи къ сношеніямъ съ подобными себѣ, есть справедливость, которая, слѣдовательно, не можетъ существовать безъ понятія о долгѣ: нѣтъ ни справедливаго, ни не справедливаго для того, которому не предписанъ долгъ различать эти понятія. Въ обществѣ нужны идеи права, какъ и идеи долга; потому что, если идея долга служитъ соціальной связью, средствомъ мира и союза между людьми, то идея права служитъ соціальнымъ оружіемъ, средствомъ защиты, которое общество даетъ однимъ противъ другихъ. Каждый человѣкъ имѣетъ сознаніе своихъ правъ, и это сознаніе помогаетъ ему сдерживать другихъ въ предѣлахъ ихъ долга; но эти права имѣютъ значеніе только тогда, когда признается и уважается понятіе долга, на которомъ они основываются,—потому что для не признающаго своего долга тотъ, кто имѣетъ одно только право на своей сторонѣ, ровно ничего не имѣетъ.

Право есть моральное могущество, оказывающее свое вліяніе безъ помощи силы: если имѣющій на своей сторонѣ право и силу вынужденъ употребить силу для торжества своего права, то здѣсь торжествуетъ собственно не право его, а его сила; его право помогаетъ ему узаконить употребленіе силы, но оно не даетъ торжества его дѣлу. Такимъ образомъ, идея долга есть основаніе общества, основаніе самой идеи права, которая въ свою очередь содѣйствуетъ сохраненію общества. Желать основать общество на одной только идеѣ долга,—значило бы лишить общество одного изъ могущественнѣйшихъ его средствъ для защиты и развитія; это было бы все равно, что лишить дерево вѣтвей, которыя расширяютъ и укрѣпляютъ его. Желать основать общество на идеѣ права безъ идеи долга,—значило бы отсѣчь у дерева его корни» ¹⁾). Но это еще не все. Вмѣстѣ съ ошибочнымъ взглядомъ на долгъ, какъ только на послѣдствіе права, почерпаемаго въ независимости и достоинствѣ человѣческой личности, теоретики независимой морали забываютъ про всю область моральныхъ фактовъ, занимающихъ въ нашей природѣ высокое мѣсто, про инстинктивные чувства, внутренно связанныя съ моральнымъ закономъ, для которыхъ совершенно чуждо понятіе о правѣ, основанное на независимости и достоинствѣ человѣческой личности. Въ силу ли независимости и достоинства человѣческой личности, напримѣръ, отцы и матери поставляютъ своимъ долгомъ любить своихъ дѣтей, заботиться о нихъ, трудиться и жертвовать собой для нихъ? Во имя ли того же начала, или вытекающаго изъ него права, дѣти чувствуютъ влеченіе почитать своихъ отцовъ и матерей? Душа и жизнь человѣка полны моральныхъ отношеній и поступковъ, въ которыхъ понятіе права, понимаемаго въ духѣ теоретиковъ независимой

---

¹⁾ *Conseils de morale ou Essais sur l'homme, les moeurs, les caractères, le monde etc., par M-me Guisot, t. 11, p. 147—271.*

морали, нисколько не участвуетъ; ихъ система не разъясняетъ ни симпатіи, ни долга. Обращаясь къ источнику ихъ заблужденія. Поставляя начало человѣческой нравственности въ понятіи права, выводимомъ изъ факта разумности и свободы человѣка, они дѣлаютъ это потому, что въ человѣкѣ они видятъ существо только разумное и свободное. Но это странное непониманіе человѣческой природы! Будучи существомъ разумнымъ и свободнымъ, человѣкъ въ то же время есть существо зависящее и подчиненное: въ мірѣ физическомъ онъ зависитъ отъ силы, превосходящей его собственную силу; въ мірѣ нравственномъ онъ подчиненъ закону, который созданъ не имъ, котораго онъ не можетъ измѣнить, который онъ принужденъ признавать, хотя свободенъ и не повиноваться ему, и отъ котораго онъ не можетъ отказаться безъ душевной тревоги и опасенія за свою судьбу. Мораль дѣйствительно независима, но въ строгомъ смыслѣ она независима именно отъ человѣка; свободный человѣкъ—ея подчиненный. Это истинѣ есть законъ свободы.

Свобода не есть уединенный фактъ, истощающійся, такъ сказать, въ исполненіи и, разъ исполненный, остающійся безъ послѣдствій. Съ свободой связана отвѣтственность. Когда человѣческое существо, пользуясь своей свободной волей, принимаетъ рѣшеніе и совершаетъ актъ, оно чувствуетъ себя отвѣтственнымъ въ томъ, что оно захотѣло и совершило. Общественные законы положительно объявляютъ это ему; потому что они наказываютъ его за актъ, признанный преступнымъ. Притомъ нужно, чтобы актъ былъ признанъ не только вреднымъ, но морально преступнымъ,—такъ какъ не подлежитъ наказанію совершившій такой актъ въ случаѣ сумасшествія или потери разума и свободной воли. И если виновный ускользаетъ отъ законнаго наказанія, то онъ не ускользаетъ отъ внутренняго наказанія—угрызенія совѣсти,

которое, кромѣ уголовныхъ законовъ, служить доказательствомъ и санкціей моральной отвѣтственности. Сильная огрубѣлость преступника можетъ усыпить угрызеніе совѣсти; но тысячи примѣровъ доказываютъ, что оно всегда можетъ пробудиться. Природа человѣческая никогда не уничтожается всецѣло ни въ добрѣ, ни въ злѣ,—и раскаяніе часто скрывается въ столь глубокихъ ея тайникахъ, что никто не пропикаетъ туда, кромѣ самой души, которая чувствуетъ его, отталкивая его. Какъ свобода имѣетъ своимъ послѣдствіемъ отвѣтственность, такъ отвѣтственность имѣетъ своимъ послѣдствіемъ идею заслуги и проступка (*démérite*), естественно связанную съ нею. По сознанію и здравому смыслу человѣчества, заслуга человѣка состоитъ въ исполненіи нравственнаго закона, а проступокъ—въ его нарушеніи; это—признанный фактъ, заявляемый въ самыхъ простыхъ отношеніяхъ и обыденныхъ случаяхъ человѣческой жизни, какъ и въ политической организаціи обществъ и въ проблемахъ вѣчнаго будущаго. Каковы бы ни были скорость или медленность, свойство или степень награды и наказанія, дѣло въ томъ, что моральный порядокъ установленъ только тогда, когда отвѣтственность, присущая свободѣ, получила свое завершеніе и конецъ въ справедливой оцѣнкѣ и возмездіи заслуги или проступка человѣческой личности.

Я занимался доселѣ вопросомъ о независимой морали и сосредоточивался до подробности въ изученіи моральныхъ фактовъ, которые представляетъ намъ природа и только одна природа человѣка, наблюдая и описывая эти факты въ нихъ самихъ, не привлекая сюда другихъ какихъ-либо причинъ или элементовъ. Свою эти факты къ слѣдующимъ терминамъ: различеніе моральнаго добра и зла; моральный законъ, долгъ дѣлать добро и избѣгать зла; моральная свобода; нравственная отвѣтственность; нравственная заслуга и просту-

покъ. Вотъ факты, которые человѣкъ сознаеть въ себѣ самомъ существенными и внутренними свойствами своей природы. Но что означаютъ такіе признанные и опредѣленные факты? Стоять ли они уединенно и въ природѣ человѣческой, какъ въ психологическомъ трактатѣ, или, вѣрнѣе, имѣютъ предшествующіа причины и необходимыа послѣдствія? Удовлетворяются ли они сами собою, или, вѣрнѣе, содержатъ и открываютъ другіе факты, служащіе ихъ завершеіемъ и санкціей? Человѣческій духъ не можетъ ускользнуть отъ этихъ вопросовъ.

Я доказалъ, что нравственный законъ не плодъ изобрѣтенія или договора человѣческаго и не одинъ изъ тѣхъ роковыхъ законовъ, которые дѣйствуютъ въ мірѣ физическомъ. Это законъ міра разумнаго и свободнаго, и этотъ міръ, признавая такой верховный для себя законъ, чувствуетъ себя вмѣстѣ и свободнымъ и подчиненнымъ. Кто же творецъ такого закона? Кто предписалъ человѣку этотъ законъ, который не есть его дѣло и который управляетъ имъ, не порабощая его вмѣстѣ съ тѣмъ? Ясно, что есть высшая власть, изводящая изъ себя и открывающая такой законъ. Вольтеръ съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который часто заставляетъ забывать про его легкомысліе и цинизмъ, говоря о благоустройствѣ физическаго міра, сказалъ слѣдующія слова: «я не могу представить себѣ, чтобы существовали эти часы и не было самаго часовщика». Но въ мірѣ нравственномъ—нѣчто болѣе часовъ, или машины устроенной и заведенной разъ навсегда: здѣсь законъ порядка, т. е. законъ нравственный—въ постоянной борьбѣ съ человѣческой свободой; свобода уважаетъ законъ, но можетъ исполнять и нарушать его; и законъ потому свидѣтельствуетъ о верховномъ законодателѣ, по мысли и волѣ котораго онъ существуетъ. Богъ—верховный владыка и человѣкъ—свободный подданный вмѣстѣ содержатся въ фактѣ

нравственного закона. Въ этомъ именно фактъ находить Бога Кантъ, по ошибкѣ не находившій Его въ другихъ; и дѣйствительно только въ нравственномъ законѣ, этомъ уставѣ для человѣческой свободы, Богъ является съ самою живою и непосредственною ясностію. Точно также, какъ нравственный законъ является неполнымъ и необъяснимымъ фактомъ, источникомъ безъ пачала, безъ верховнаго законодателя,—и нравственная отвѣтственность свободнаго человѣка является неполнымъ и неразъяснимымъ фактомъ, безвыходнымъ потокомъ, теряющимся въ неизвѣстности, безъ представленія верховнаго судіи, прилагающаго эту отвѣтственность. Какъ нравственный законъ открываетъ намъ нравственного законодателя, такъ нравственная отвѣтственность открываетъ намъ нравственного судію. Какъ законъ нравственный не есть законъ изобрѣтенія человѣческаго, точно такъ и человѣческіе приговоры, во имя отвѣтственности нравственной, никогда почти не составляютъ того совершенно-истиннаго и справедливаго суда, который возвѣщаетъ и ожидаетъ эта отвѣтственность; въ понятіяхъ нравственного закона и нравственной отвѣтственности содержится понятіе Бога, первичнаго творца перваго и окончательнаго судіи второй. Нравственный порядокъ необъяснимъ и невозможенъ безъ Бога, поставляющаго нравственный законъ надъ человѣческой свободой и возстановляющаго его, когда онъ колеблется отъ человѣческой свободы. Такимъ образомъ моральные факты, присущіе и свойственные человѣческой природѣ, каковы—различеніе нравственного добра и зла, нравственная обязанность, нравственная свобода, нравственная отвѣтственность и нравственная заслуга и проступокъ, внутренно и необходимо связаны съ фактами религіозными, каковы: Богъ—нравственный законодатель и Богъ—нравственный сердцевидецъ и судія. Такъ нравственность естественнымъ и существеннымъ образомъ

связана съ религіей. Она, дѣйствительно, есть особенный и отдѣльный фактъ въ природѣ и жизни человѣка, но этотъ фактъ нисколько не отрѣшенъ отъ цѣлостности его природы; онъ занимаетъ свое особенное мѣсто въ этой цѣлостности, но только въ ней онъ заимствуетъ и условіе своего бытія и своего авторитета. Можно наблюдать и описывать моральный фактъ отдѣльно въ научной системѣ; но въ дѣйствительности нельзя отдѣлять его отъ факта религіознаго. Что сказали бы о фізіологѣ, который бы сталъ проповѣдывать, что сердце независимо отъ мозга, на томъ только основаніи, что это два отдѣльные органа, хотя и неразрывно единые другъ съ другомъ въ единствѣ человѣческаго бытія?

Взглядъ на міръ приводитъ насъ къ тому же результату и даетъ намъ тотъ же урокъ, что и изученіе человѣка: исторія подтверждаетъ психологію. Какой фактъ поразительнѣе всего выступаетъ на поприщѣ человѣческихъ обществъ? Постоянная борьба добра и зла, справедливости и несправедливости. И въ этой борьбѣ—какіе вопіющіе безпорядки, сколько совершенной несправедливости! Какіе пробѣлы и печальныя непостоянства въ царствѣ нравственнаго закона и справедливости! То—тщетное ожиданіе нравственнаго воздаянія, и отсюда скорбное смущеніе человѣческой совѣсти предъ торжествомъ порока и прѣступленія; то—нравственное воздаяніе сверхъ всякаго чаянія, послѣ самыхъ печальныхъ нарушеній нравственнаго закона. Шатобріанъ пол-вѣка тому назадъ: «тщетно благоденствовалъ Неронъ,—Тацитъ уже родился въ его царствѣ; онъ надѣялся представиться невиннымъ при гробѣ Германика, а между тѣмъ Провидѣніе уже вручило честь владыки міра неизвѣстному ребенку». И онъ сказалъ правду: Тацитъ былъ мстителемъ за нравственный законъ, оскорбленный владыками римской имперіи. Но въ этой же самой имперіи добродѣтельнѣйшій изъ ея владыкъ—Маркъ

Аврелій, посвятившій всю свою жизнь на изысканіе и осуществленіе нравственного закона, на берегахъ Дуная умираетъ въ глубоко-скорбномъ разочарованіи въ своей женѣ и сынѣ и въ судьбѣ управляемаго имъ міра, который должны были возродить и обновить только христіане, имъ же преслѣдуемые. Въ этомъ громадномъ водоворотѣ челоуѣческихъ жизней и дѣлъ, называемомъ исторіей, все неполно, несовершенно, несвязно, темно и противорѣчиво,—и Провидѣніе, это олицетвореніе вѣчной мудрости и правды, то блестящимъ образомъ проявляется въ немъ, то пребываетъ инертнымъ и мрачно-таинственнымъ. Таково ли нормальное и законченное состояніе всего? Правда и истина не найдутъ ли когда либо болѣе широкаго приложенія? Откуда же придетъ свѣтъ въ эту тьму и кто внесетъ порядокъ въ этотъ хаосъ? Ясно, что челоуѣка мало для этого; въ мірѣ, какъ и въ индивидуумѣ, моральное начало одно—слишкомъ слабо и измѣнчиво для своей задачи, если оно внутренне не связано съ началомъ религіознымъ. Въ жизни челоуѣчества, какъ и въ жизни челоуѣческой личности, нравственность тѣмъ болѣе не можетъ обойтись безъ Бога. И теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нравственность нуждается въ Богѣ. Я далекъ отъ худыхъ мыслей о своей странѣ и о своемъ вѣкѣ,—я вѣрю въ ихъ прогрессъ, въ ихъ будущность; но въ наши дни челоуѣческое существо подвержено жестокому искусу. Съ одной стороны мы видимъ самыя противорѣчивыя явленія: все подвергается пытливымъ вопросамъ умовъ,—все фактическое поколеблено, разрушено, перетолковано и расшатано, и, подъ впечатлѣніемъ такого зрѣлища, въ убѣжденіяхъ царитъ слабость, въ чаяніяхъ—неизвѣстность. Съ другой стороны, среди такого общаго душевнаго колебанія, наука и могущество челоуѣка надъ окружающимъ его міромъ удивительно расширены и укрѣплены; свѣтъ болѣе и болѣе сіяетъ надъ міромъ матеріальнымъ, по мѣрѣ

того какъ онъ блѣднѣетъ и меркнетъ въ мірѣ нравственномъ. Мы дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо, срываемъ плоды съ древа знанія, а жизненные правила, законы добра и зла затемнены въ нашей мысли. Человѣкъ стоитъ, такимъ образомъ, между гордостью и сомнѣніемъ, упоеніемъ своимъ могуществомъ и безпокойствомъ о своей слабости. Какая смута для души человѣка и какая опасность для человѣческой нравственности!

До сихъ поръ я былъ очень остороженъ и снисходителенъ: я держался тѣхъ границъ, которыя отвели для вопроса сами теоретики независимой морали; я ограничивался только выставленіемъ на видъ внутренней, естественной и необходимой связи нравственности съ религіей, человѣка—нравственного существа съ Богомъ—его нравственнымъ владыкой. Но до сихъ поръ я былъ только у порога истины. Нравственность существенно связана не только съ религіей вообще, она имѣетъ нужду не въ одной только идеѣ Бога; ей необходимо вѣрное присутствіе Бога и Его постоянное дѣйствіе на человѣческій духъ. А только въ одномъ христіанствѣ нравственность можетъ почерпнуть въ настоящее время ясность, силу и увѣренность, необходимыя для ея дѣятельной власти. И я считаю христіанскую религію необходимою для душъ и обществъ человѣческихъ не только во имя ея практической полезности, но именно во имя ея истины и внутреннего достоинства: христіанство есть вѣрное выраженіе нравственного закона и законный повелитель моральнаго существа, потому что оно находится въ совершенной гармоніи съ моральною природою человѣка и потому что оно уже засвидѣтельствовало это въ исторіи человечества.

Первый и безпримѣрный характеръ христіанства—это его широта или, лучше сказать, неизмѣримость его нравственного стремленія. Часто сравнивали христіанско-нравственное дѣло съ дѣлами великихъ людей, пытавшихся установить

*

нравственные законы жизни человеческой и упрочить их власть; сравнивали Иисуса Христа съ Конфуціемъ, Зороастромъ, Сократомъ, Сакіа-Муни и Магометомъ. Сравненіе слишкомъ неразумное и поверхностное. Самые мудрые, знаменитые и могущественные реформаторы-моралисты принимали и совершали только дѣла очень ограниченные и неполныя: они то вырабатывали раціональные принципы морали, то давали однимъ только своимъ ученикамъ правила поведенія по этимъ раціональнымъ принципамъ,—проповѣдывали ученіе, или устроили дисциплину, основывали школы или секты. Христіанство было дѣломъ совершенно инымъ. Иисусъ Христосъ не былъ ни философомъ, разсуждающимъ съ своими учениками и наставляющимъ ихъ въ моральной наукѣ, ни вождемъ, который бы группировалъ около себя извѣстное число адептовъ и подчинялъ ихъ извѣстнымъ спеціальнымъ правиламъ, различающимъ и даже отдѣляющимъ ихъ отъ простой массы. Иисусъ Христосъ не представлялъ системы ученія, не устраивалъ дисциплины, не организовалъ особеннаго общества; Онъ обращался прямо къ глубинѣ души человѣка, и притомъ всякаго человѣка, обнажалъ нравственное зло во всякомъ человѣкѣ и заповѣдалъ съ властію своимъ ученикамъ врачевать это зло сперва въ себѣ самихъ, потомъ во всѣхъ людяхъ: спасайте свою душу, ибо какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубитъ свою душу; идите и учитесь всѣ народы. Какой философъ и реформаторъ имѣли когда либо такое широкое стремленіе и предпринимали такъ полно и всесторонне разрѣшить моральную проблему природы и судьбы человеческой? И это стремленіе—нисколько не химерическое: дѣло христіанства совершалось и совершается въ мірѣ съ успѣхомъ, часто препятствуемымъ и останавливаемымъ, но никогда не задержаннымъ безвозвратно. Въ первые три вѣка дѣло христіанства стало побѣждать себѣ человѣка и міръ однимъ

и мечемъ и оружіемъ вѣры и свободы; и въ настоящее время, спустя XIX вѣковъ, не смотря на примѣсъ заблужденій, преступленій и пороковъ, съ тѣмъ же самымъ оружіемъ, и съ нимъ только однимъ,—во имя вѣры и свободы христіанство снова продолжаетъ въ нравственной области то же дѣло, среди новыхъ и ярыхъ нападеній, и надѣется на новый успѣхъ. Мы хотѣлось бы тутъ не раскрыть до глубины, но по крайней мѣрѣ указать на причины этой подавляемой жизненности христіанской религіи и законности ея надеждъ среди борьбы.

Можно замѣтить, что почти всѣ философы-моралисты—или язвительные критики, или холодные наблюдатели, или льстецы человѣческой природы. Одни говорятъ, что человѣкъ по своей природѣ добръ, но что единственная причина его недостатковъ состоитъ въ худыхъ соціальныхъ порядкахъ. Другіе признаютъ единственными мотивами человѣческой дѣятельности интересъ и самолюбіе. Наконецъ третьи расписываютъ заблужденія и слабости человѣческія съ любопытнымъ и отчасти насмѣшливымъ остроуміемъ, артистически какъ-будто любясь сами этимъ зрѣлищемъ и потѣшая имъ зрителей. А какъ особенно важны, глубоки и дѣйствительны взгляды и отношенія Иисуса Христа къ человѣку! Какъ они чужды иллюзіи и индифферентности! Онъ видитъ въ природѣ человека зло, но въ то же время и добро, признаетъ ее способною возмущаться противъ нравственнаго закона, но въ то же время и способною повиноваться ему; Онъ видитъ въ человѣкѣ природную язву, источникъ безпорядка и опасности для души, но не считаетъ этого зла неизлечимымъ, а строго и вмѣстѣ нѣжно взираетъ на этого человека и приступаетъ къ нему съ рѣшимостію, чуждою отчаянія и готовою на всѣ жертвы. Почему не воспользоваться тутъ буквально христіанскими выраженіями, превосходящими всѣ другія по своей истинной выразительности? Онъ прямо обнажаетъ грѣхъ и самоотвер-

женно предается дѣлу спасенія грѣшника. Какой философъ такъ хорошо позналъ человѣка и настолько возлюбилъ его при подобномъ свободномъ и твердомъ мнѣніи о немъ? Не менѣе заботить Иисуса Христа и судьба человѣка. Полагая начало нравственнаго закона во всей его строгости, чистое исполненіе долга, Онъ въ то же время не забываетъ, что человѣкъ имѣетъ жажду и нужду въ блаженствѣ, чистомъ и прочномъ счастьи,—и Онъ открываетъ для добродѣтели надежду на него, надежду чуждую мірскихъ разсчетовъ, чаяніе идеальнаго блаженства, которое недоступно умственному любопытству, но которое удовлетворить чаяніямъ духа и явится не плодомъ однихъ только человѣческихъ заслугъ и какъ бы платежемъ долга, но наградою правосудной благодати Божіей добродѣтельнымъ усиліямъ человѣка. Налагая на человѣка въ настоящей жизни постоянный и тяжелый трудъ, христіанская религія въ то же время имѣетъ для трудящагося по закону царствіе Божіе и обѣтованія грядущей жизни. Такимъ образомъ у Иисуса Христа природа человѣка познана и удовлетворена всецѣло,—приняты во вниманіе вмѣстѣ ея обязанности и ея нужды, ея слабости и ея заслуги; не набрасывается покровъ на мрачныя стороны жизни и печальныя страницы исторіи, безъ всякой развязки,—но вездѣ человѣкъ видитъ надежды и высшія удовлетворенія всѣхъ испытаній и недочетовъ. И какимъ образомъ достигается эта цѣль? Какъ затрогиваются всѣ струны и находится отзывъ на всѣ запросы человѣческой души? Внутреннимъ союзомъ нравственности и религіи, нравственнаго закона и нравственной отвѣтственности,—единственнымъ полнымъ и законченнымъ взглядомъ на природу и судьбу человѣка, единственно-дѣйственнымъ разрѣшеніемъ проблемъ, тяготящихся надъ мыслью и жизнью человѣка. Я сказалъ—единственнымъ дѣйственнымъ разрѣшеніемъ... Дѣйственность (l'efficacité)—вотъ собственно истин-

ный и существенный характер христіанства. Какъ бы ни было высоко стремленіе философіи,—оно неизмѣримо ниже его. Это стремленіе чисто научное; философы изучаютъ, наблюдаютъ и спорятъ,—ихъ труды производятъ системы, школы. Христіанская религія есть не научное знаніе, а дѣло практическое: въ глубинѣ ея догматовъ и заповѣдей, конечно, заключается философія и притомъ, на мой взглядъ, истинная, но эта философія—исходная точка, а не цѣль христіанства; его цѣль—приведеніе человѣческой души въ состояніе управлять собою по божественному закону,—и для достиженія этой цѣли оно беретъ природу человѣка, какъ она есть, и притомъ всецѣло, съ ея различными элементами и высшими чаяніями. Вотъ, выражаясь языкомъ военной науки, въ чемъ операціонный базисъ христіанской религіи; на этомъ базисѣ она начинаетъ моральную борьбу, съ цѣлью произвести въ человѣкѣ торжество добра надъ зломъ и спасти человѣка, исправляя его.

Когда я издалъ второй томъ своихъ «размышленій», имѣющій своимъ предметомъ современное состояніе христіанской религіи, гдѣ я старался охарактеризовать основныя заблужденія различныхъ философскихъ ученій, воюющихъ съ христіанствомъ,—я послалъ, по обыкновенію, этотъ томъ товарищу моей жизни и собрату по институту—Кузеню, съ которымъ я всегда находился въ дружескихъ отношеніяхъ, не смотря на наши разногласія. Онъ писалъ мнѣ, 1-го іюня 1866 г., изъ Сорбонны слѣдующее.

«Любезный другъ! Я получилъ твою книгу, тотчасъ же прочиталъ и, отъ души говоря, остался очень доволенъ. Небольшія разногласія, нескрываемаыя тобою, неизбежны, потому что они связаны съ главною разностію въ способѣ пониманія природы философіи и природы религіи. Эти двѣ великія силы могутъ и должны сходиться, но между тѣмъ онѣ расходятся.

Религіи принадлежит высшее вліяніе—общественное и всеобщее, философіи—вліяніе болѣе ограниченное, хотя и очень возвышенное. Одна обращается къ душѣ въ ея полнотѣ, включая сюда и воображеніе,—другая обращается къ одному только разуму; первая исходитъ отъ тайнствъ, безъ которыхъ нѣтъ религіи,—последняя выходитъ отъ ясныхъ и отчетливыхъ идей, какъ говорили разомъ Декартъ и Боссюэтъ. Такое различіе составляетъ основу моей философіи и моей религіи, и это же различіе, по моему, есть начало ихъ гармоніи между собою. Смѣшеніе этихъ разностей, на мой взглядъ,—прямой путь къ перепутанности ихъ другъ съ другомъ, какъ это и случилось у Малекранша. Поглощеніе философіи религіею доставило Паскалю только вѣру полную противорѣчій и горечей; поглощеніе религіи философіей было бы сумасброднымъ предпріятіемъ, которое отвергаетъ здравая философія. Истина, достоинство и миръ заключаются въ принятіи ихъ обѣихъ, каждой на своемъ мѣстѣ. Изъ этихъ словъ ты можешь понять и причину нашихъ разногласій, которыя однако не мѣшаютъ нашему союзу, какъ и нашей старой искренней дружбѣ».

Я отвѣтилъ ему, 13-го іюня, слѣдующимъ письмомъ. «Я также думаю, любезный другъ, что наши разногласія не повредятъ нашей старой и искренней дружбѣ. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе такая надежда, что между нами, какъ ты сказалъ, существуетъ общая и глубокая разность, помимо частныхъ разногласій. Я думаю тоже, что нѣтъ нужды смѣшивать и поглощать ни философію религіей, ни религіи философіей; я желалъ бы видѣть и ту и другую свободными въ своихъ отправленіяхъ и своемъ вліяніи. Но я не строю ни ихъ различія, ни ихъ согласія на твоихъ основахъ. Для меня философія есть только наука, т. е. дѣло человѣческое, ограниченное, какъ и самый духъ человѣка, въ своей области и своемъ

полетѣ; религія же въ своемъ началѣ и своей исторіи есть дѣло и установленіе божественное. Одна исходитъ отъ человѣка, жаждущаго знанія; другая есть свѣтъ исходящій отъ Бога и освѣщающій всякаго человѣка приходящаго въ міръ, который Богъ поддерживаетъ и постепенно распространяетъ въ мірѣ, по своимъ неисповѣданнымъ судьбамъ, общимъ или особеннымъ актомъ своего хотѣнія. Не стану говорить болѣе; мы оба знаемъ, въ чемъ мы сходимся и въ чемъ расходимся».

Я покидалъ Парижъ, когда получилъ письмо Кузенья, а когда возвратился, онъ былъ въ Каннахъ; мы уже болѣе не видѣлись, и онъ упредилъ меня въ области, гдѣ разгадываются тайны жизни. Но, въ нашихъ послѣдующихъ отношеніяхъ, мы коснулись бы оба, безъ сомнѣнія, хотя нѣсколько, глубины поставленнаго вопроса: чѣмъ соприкасаются и въ чемъ расходятся религія и наука, христіанство и философія? Согласно обоимъ во взаимныхъ правахъ этихъ двухъ силъ на свободу, мы однако оба думали различно о ихъ началѣ и природѣ, а слѣдовательно и о степени ихъ размѣровъ и о характерѣ ихъ дѣла.

Ю.

